

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-539-547

EDN: ABEMJW

УДК 821.111

Научная статья / Research article

Роман Донны Тартт «Тайная история» в контексте кризиса постмодернизма

П.А. Табакова, А.Ю. Перевезенцева✉

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний
Новгород, Россия*

✉ aperevezentseva@hse.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление специфических черт постмодернистского и метамодернистского дискурса в романе Д. Тартт «Тайная история», синтез которых позволяет характеризовать произведение как переходное явление, отражающее кризис базовых установок постмодернизма и становление художественной парадигмы метамодернизма. Научная новизна работы связана со смещением ракурса анализа текста с рассмотрения нравственной проблематики и жанрового своеобразия на включение романа в контекст фундаментальных изменений эпохи пост-постмодернизма. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что поэтика «Тайной истории» во многом определяется спецификой эстетики постмодернизма. Это выражается в мозаичности сознания рассказчика и отсутствии морально-этических императивов, активности интертекстуальных включений, формирующих смысловое поле романа, разрушении противопоставления между «элитарной» и «массовой» культурой. Во второй части выдвигается и доказывается тезис о том, что дебютный роман Д. Тартт обладает чертами, выходящими за рамки постмодернистской парадигмы, в нем обнаруживаются ключевые тенденции, присущие метамодернизму: обращение к травмирующему опыту прошлого, проблеме рефлексии и выражения искренних переживаний, стремление к созданию устойчивой социальной общности в противовес постмодернистской разрозненности.

Ключевые слова: Д. Тартт, американская литература, постмодернизм, метамодернизм, роман

Вклад авторов. Разработка идеи исследования, написание и редактирование рукописи – А.Ю. Перевезенцева; сбор и анализ исследовательских данных – П.А. Табакова. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Табакова П.А., Перевезенцева А.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Табакова П.А., Перевезенцева А.Ю. Роман Донны Тартт «Тайная история» в контексте кризиса постмодернизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 539–547. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-539-547>

Donna Tartt's Novel *The Secret History* in the Context of the Crisis of Postmodernism

Polina Al. Tabakova^{ID}, Anna Yu. Perevezentseva^{ID}✉

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉aperevezentseva@hse.ru

Abstract. This study aims to identify the unique features of postmodernist and metamodernist discourse in D. Tartt's novel *The Secret History*. The synthesis of these characteristics enables the characterization of this work as a transitional phenomenon, reflecting the crisis of the fundamental attitudes of postmodernism and the formation of the artistic paradigm of metamodernism. The scientific novelty of the work is related to the shift of the text analysis perspective from the consideration of moral issues and genre uniqueness to the inclusion of the novel in the context of fundamental changes of the post-postmodern era. The findings of this study demonstrate that the poetics *The Secret History* are predominantly shaped by the distinctive characteristics of postmodernism, as manifested through the narrator's mosaic consciousness, the absence of moral and ethical imperatives, the intertextual inclusions that contribute to the novel's semantic field, and the dissolution of the dichotomy between 'elite' and 'mass' culture. The subsequent section aims to substantiate the thesis that D. Tartt's debut novel exhibits characteristics that transcend the postmodernist paradigm, thereby unveiling pivotal tendencies inherent in metamodernism: an appeal to the traumatic experience of the past, the issue of reflection, the articulation of authentic sentiments, and the aspiration to establish a cohesive social community, in contrast to the postmodern disconnectedness.

Keywords: D. Tartt, American literature, postmodernism, metamodernism, novel

Author's contribution. Development of the research idea, manuscript writing & editing – Polina Al. Tabakova; research data collection & analysis – Anna Yu. Perevezentseva. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Tabakova, P.A., & Perevezentseva, A.Yu. (2025). Donna Tartt's Novel *The Secret History* in the Context of the Crisis of Postmodernism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 539–547. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-539-547>

Введение

Первый роман современной американской писательницы Донны Тартт «Тайная история» (Donna Tartt, *The Secret History*) вышел в 1992 г. и стал всемирной литературной сенсацией: *an immediate critical and commercial success*,

one of those rare novels that makes as much of a splash in literary circles as it does on the bestseller lists (Thorp, 2022). По прошествии трех десятилетий роман все еще остается дискуссионным не только в научной среде, но и в медийном пространстве. Новый всплеск интереса к произведению произошел под влиянием интернет-пространства и включил в круг поклонников творчества Тартта *a whole new generation Z* (Thorp, 2022). «Тайная история» оказалась романом, объединившим не только разные поколения, но и культурные традиции.

Роман «Тайная история» Д. Тартт включается в контекст эпохи смены эстетической парадигмы, когда постмодернистский дискурс постепенно нивелируется, а характерные черты постмодернистской литературы, такие как утрата историчности, насилие симулякров, стратегии деконструкции и бунта, постепенно теряют свою привлекательность, превращаются в своего рода штампы. Намечаются пути преодоления «безучастной иронии», «бессодержательности» постмодернизма (Морозов, 2019), поиск духовной глубины или же возвращение к ней. Радикальное отрицание и постмодернистская чувствительность порождают чувство незащищенности (Hebdige, 2003), происходит отчуждение субъектности за счет ее детерминации внешними социальными конструктами (Rectenwald, 2021). Повсеместное ощущение напряжения и упадка актуализируют темы насилия (роман «Американский психопат» Б. Эллиса, 1991), расторгнутой и дискретной реальности («Лавина» Н. Стивенсона, 1992; «Подземный мир» Д. Делилло, 1997), трансгуманизма («Вакуумные цветы» М. Суэнвика, 1987).

Из критики позиции отрицания исходят характерные для американской литературной практики 1990 гг. тенденции возрождения традиционных форм, синтеза экспериментального и традиционного стилей, акцентуации личностного начала и расширения канона путем включения в него ранее маргинализированных голосов, мультикультурности. По мнению Т. Савваса и К. Коффмана, примерно с 1989 г. американская литература обращается к художественному правдоподобию, анализу материальной природы текста, свободе от иронического модуса (Savvas, Coffman, 2019).

Дебютный роман Д. Тартт возникает в обстановке уязвимости постмодернистского сознания – пространство произведения еще подчиняется игровому началу, деконструкции и интертекстуальным включениям, но уже намечает будущие тенденции метамодернистской литературы – особую субъектность, отход от языкового детерминизма постструктуралистов. Г.И. Лушникова отмечает, что «граница между постмодернизмом и постпостмодернизмом весьма размыта, достаточно сложно провести демаркационную линию между конкретными произведениями по этому параметру. Задача усложняется тем, что даже в творчестве одного писателя прослеживается смешение отчетливо выраженных черт постмодернизма и новых тенденций, описываемых в рамках пост-постмодернизма <...>» (Лушникова, Осадчая, 2021, с. 204).

Результаты и обсуждение

Роман «Тайная история» Д. Тартт в парадигме постмодернизма

«Тайная история» становится переходным произведением, поскольку синтезирует черты двух культурных и мировоззренческих систем. Рассмотрим, какие постмодернистские установки реализованы в дебютном романе Донны Тартт.

В литературоведческом дискурсе в «Тайной истории» проблематизируется природа соотнесенности этических категорий. Однако акцент на морализаторском начале представляется неверным, поскольку роман, в большой степени соответствующий постмодернистскому мироощущению, выходит за рамки противопоставления добра и зла. Стоит вспомнить показательный момент травестирования сюжета «Преступления и наказания» в тексте Тартт: в сцене перед похоронами Банни, когда Ричард при виде слез отца убитого студента внутренне глубоко кается в содеянном: *Oh, God... God help me, I'm sorry* (Tartt, 2004, p. 357), но в следующем абзаце трагическое напряжение резко снижается недовольными бытовыми восклицаниями мистера Коркорана, а завершает неожиданное эмоциональное изменение неуместное в состоянии траура предложение отца выпить пива: *Any of you kids care for a beer?* (Tartt, 2004, p. 358). Далее художественное пространство вновь выравнивается и возвращает исповедальный нарратив: *I killed the old pawnbroker woman and her sister Lizaveta with an axe and robbed them* (Tartt, 2004, p. 365).

Такой разрыв в тональности текста характерен для постмодернистского художественного письма. Сознание рассказчика Ричарда, моделирующее действительность, сталкивается с внешним вмешательством и порождает неоднозначность восприятия – общее настроение внутреннего покаяния и проживания вины обрывается, возникает ситуация «неопределенности». Категория истинности в постмодернистском произведении размывается, исчезают четкие бинарные оппозиции. «Тайная история» как постмодернистский текст не центрируется вокруг идеи «преступления – наказания», а смещает границы устойчивых представлений.

Категория прекрасного в романе принимает облик ужасающего, отвратительного и мортального: *Death is the mother of beauty, terror, terrible* (Tartt, 2004, pp. 38–39). Куртуазное восхищение и преклонение Ричарда перед Камиллой сменяется животным вожделением, жадной насилью. Божественное и сакральное предстает не как организующее и упорядочивающее начало, а как первородная и жестокая сила: *let God consume us, devour us, unstring our bones. Then spit us out reborn* (Tartt, 2004, p. 38). Проявляет себя и постмодернистская чувствительность, которая создает сплошную относительность художественного текста. Уязвимое и восприимчивое сознание Ричарда акцентирует детали, смещает фокус, вызывает сомнения в происходящем. Все повествование выстраивается на полутонах, жизнь предстает рассказчику ускользающей, неясной, утверждается невозможность ухватить реальность: *couldn't quite get the drift of* (Tartt, 2004, p. 143).

Пространство текста романа «Тайная история» конструируется посредством болезненного сознания, мифологических и интертекстуальных элементов и описаний переходных состояний сна и болезни. Размытые границы между реальностью и сном/бредом, а также прерывающееся время соответствуют постмодернистской эпистемологической неуверенности. Подобно делезовской *rhizome*, беспорядочно переплетенным и несвязанным побегам, текст Тартта разветвлен, полон лабиринтов из комнат и коридоров, разрозненных предметов, интерьерам свойственна пейзажная текучесть. Сюжетность стремится к хаотичности – желание студентов жить вечно воплощается через попытку воссоздать дионисийскую мистерию, разрушить рамки привычного бытия, деконструировать личность и освободиться от эго: *lose this maddening self, lose it entirely* (Tartt, 2004, p. 34). Разрозненность внешняя поражает и сознание рассказчика, что клиницизируется шизофреническими симптомами. Ф. Джеймисон в статье «Постмодернизм и общество потребления» определяет шизофрению как одну из характеристик постмодернистского сознания, понимая под ней «опыт изолированных, разъединенных, дискретных материальных означающих, которые не удастся связать в последовательный ряд» (Jameson, 1987, p. 119). Подобным образом мозаичное мышление Ричарда, выхватывающее и концентрирующее конкретные образы пространства, смешивает и деформирует их – они то застывают, то размываются. Художественное пространство романа лишено структурного и образного постоянства, постмодернистски «чуждо жесткости и замкнутости концептуальных построений» (Чотчаева, Сосновский, 2017, с. 179). Текст Тартта представлен как «гиперреальность», где «фантазии становятся фактами, традиционные знаки утрачивают значение, а люди выглядят потерянными и отстраненными от мира, который кажется им фальшивым, словно кино» (Litzler, 2013, pp. 32–33).

Еще одна черта постмодернизма в романе «Тайная история» – интертекстуальность. Ю. Кристева, продолжая идеи М.М. Бахтина, определяет такую контаминацию текстов, как «постоянный диалог». Д. Тартт создает высоко аллюзивное пространство, отсылающее не только к произведениям античности, но и к средневековой, реалистической и модернистской литературе. Такой плотный и активный интертекст создает смысловую многослойность произведения и расширяет интерпретационное поле. Посредством этого воплощается постмодернистская идея множественности действительности – повествование озаряется слепящим блеском – *a dazzle of fractured color* (Tartt, 2004, p. 25) – прошлых эпох. Художественная реальность «Тайной истории» находится в неразрывной связи с множеством других литературных традиций, преломляющихся и видоизменяющихся в сознании рассказчика: «В изложении Ричарда переписывается или переиначивается смысл исходного текста, так как он вырывает из контекста сцены и фразы на свое усмотрение...» (Hargreaves, 2001, p. 60). Произведение воссоздает ряд литературных и культурных практик – древнегреческих мистерий, похоронных обрядов, жертвоприношений, средневековых куртуазных правил, военных сражений и отчаянного веселья *jazz age*.

Многослойность и неоднородность романа также связана с характерным постмодернистским сломом грани между высоким и низким искусством, которое отсылает к лиотаровскому «закату метанарраций», деконструкции канона и крахом больших идей в культурном пространстве. В контексте жанровой природы текст представляет смесь «высоких» (философский роман, социальная сатира, роман воспитания) и «низких» (детективный триллер, мелодрама, университетский роман) жанров (Mäkelä, 2022, p. 1505). Явления массового искусства проникают в поле большой литературы, создавая особую ситуацию разделения планов чтения: рецепция произведения может осуществляться на разных уровнях, с декодированием тех смыслов, которые способен уловить читатель. В духе постмодернистской иронии Д. Тартт синтезирует элементы элитарной академической и вычурной китчевой культуры. Китчевость вгрызается в монументальность происходящего – мистериальное действо, убийство и ритуальное очищение скрываются под вывеской *Burger King*, постерами *The Fleshtones* и вырезками из журналов на дверях комнат в общежитии.

Можно отметить, что поэтика романа «Тайная история» соответствует многим чертам постмодернистского мироощущения – отсутствию структурированной модели мира, хаотичности, полидискурсивности, смешению массовой и элитарной культуры. Сознание рассказчика дискретно, оно моделирует мир, не подчиненный четким морально-этическим категориям.

Кризис постмодернистских установок в романе как поворот к метамодернистскому мироощущению

Несмотря на большое влияние постмодернистской эстетики на «Тайную историю», в произведении прослеживаются черты перехода к новой культурной эпохе. Четкое разграничение постмодернистского и метамодернистского дискурсов вряд ли осуществимо, однако можно утверждать, что попытка увидеть в дебютном произведении Д. Тартт черты становящейся художественной парадигмы продуктивна.

Метамодернизм – одна из современных концепций, стремящихся охватить и зафиксировать реальность после заката постмодерна. Термин закрепился в научном дискурсе с выходом в 2010 г. эссе «Заметки о метамодернизме» Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера, в котором авторы попытались описать структурные культурные явления, берущие начало в 1990 гг. Концепция возникает в ответ на крах идей децентрированности и отсутствия истинности, когда постмодернизм, нивелировав субъективное переживание и психологизм, начинает изживать себя. Метамодернизм декларирует отказ от жестокой иронии, равнодушия, имитации, цинизма и непрерывной игры, предлагая «возвыситься от банкротства постмодерна» (ван дер Аккер, 2020, с. 45), «реконструировать, возродить дискурс и великие повествования» (Сербинская, 2017). Это поиск «глубины и духовности» в условиях общества потребления, ядерного кризиса и экологической катастрофы. Метамодернистское сознание вырастает «на обломках сюрреализма и множественности XX в.», стремится «дать человеку надежду на жизнь после симулякров» (Сербинская, 2017).

Ключевыми концепциями направления становятся «новая искренность», возвращение историчности, принцип «осцилляции» (колебаний между иронией и неоднозначностью постмодерна, «энтузиазмом» и надеждой модерна), переход к неоромантизму и магическому реализму. В романе «Тайная история» лишь намечаются определенные переходные тенденции, а поворот к метамодернизму выражается во внутреннем конфликте самих постмодернистских идей.

В противовес кризису постмодернистской иронии, отобравшей у общества возможность искренней репрезентации и глубокого чувствования, возникает особая субъектность метамодернистского сознания, которое обостряет проблему личного ощущения. Появляется потребность в подлинных историях, психологизме, отходе от главенства конструкции в сторону содержания. История Ричарда – ретроспективное проживание травмы, концентрированное страдание, вокруг которого сосредоточена личность рассказчика. Жизнь рассказчика расколота – детские годы были насильственно уничтожены им в памяти, взрослая жизнь обернулась одиночеством и социальной изоляцией.

Мир-коллаж романа управляется старыми и новыми богами, христианской моралью и древнеиндийскими представлениями, стройностью античной мысли и разрозненными впечатлениями модернизма. В этом пространстве смерть предстает продолжением лабиринта жизни, которое не прекращает страдание и не дает ответов. Ричард тяжело переживает свою несостоятельность, пытается найти точку опоры в компании друзей. Глубокая рефлексия рассказчика – это не постмодернистская игра, а скорее поворот к метамодернистскому чувствованию, эмоциональному надрыву. Ричард стремится зафиксировать переживание вины, не находя для него подходящего вербального выражения. Состояние и поведение студентов Джулиана после убийства Банни – метамодернистское мерцание. Никто из них не говорит прямо, что чувствует и переживает, поскольку постмодернизм отобрал у человека слова для искреннего высказывания. Герои переживают этический опыт «чувства вины», который, по Л. Витгенштейну, не поддается вербализации, поскольку является «сверхъестественным» (Витгенштейн, 1989, с. 224), глубоко личным и ускользает от мира языка. Попытка вновь заговорить о нем является метамодернистским желанием вновь проникнуть в субъективное, внутреннее сознание.

Переходной чертой романа становится невозможность создания устойчивой общности наряду со стремлением к ней. Постмодернистское сознание фрагментарно, его связи с окружающими непрочны. Философ Бён-Чхоль Хан, анализируя общество последних десятилетий, отмечает слом оппозиции «Я» и «Другого», что приводит к разрушению социальных отношений и «глубокой усталости» (Хан, 2023). Метамодернизм противопоставляет разрушению личности и разрозненности потребность в социализации, реагируя на обострившуюся в обществе идею индивидуализма и личной ответственности. «Тайная история» во многом является исследованием природы и границ дружеской общности, возможности выстраивания близости в современном мире.

Ричард стремится обрести чувство принадлежности и единства в «стране забвения, своеобразном перекошенном раю, где прежние ориентиры были узнаваемы, но расположены слишком далеко друг от друга, разбросаны в пространстве» – *an amnesia-land, a kind of skewed Heaven where the old landmarks were recognizable but spaced too far apart, and disarranged* (Tartt, 2004, p. 346). Интенсивное ощущение инаковости порождает у него желание влиться в общество студентов Джулиана. От идеализации друзей Ричард приходит к осознанию их индивидуальных характеров и переживаний. Отношения студентов Джулиана болезненные и обостренные – в попытках найти корень их связи Ричард выдвигает множество предположений: *And if love is a thing held in common, I suppose we had that in common, too* (Tartt, 2004, p. 7), *At one time I had liked the idea, that the act, at least, had bound us together; we were not ordinary friends, but friends till-death-do-us-part* (Tartt, 2004, p. 425). Признание зависимости проживается рассказчиком мучительно: *I missed them more than I would have admitted* (Tartt, 2004, p. 140). Любовь и страх, ненависть и забота остаются невысказанными, утаенными – проявляется все та же проблема постмодернистской отчужденности личности, кризиса языка.

Общение в группе строится на контрастах и крайностях, включающих и эротическое влечение, и зависть, и жестокость. Но главное, что объединяет студентов-классиков, – стремление вырваться из мира пластиковой бездушности современности, остаться юными, забальзамировать опыт общности, вечно «жить и знать, что все останется в точности таким же, как сейчас».

Заключение

Роман Д. Тартт «Тайная история» отражает наметившийся в литературе последнего десятилетия XX в. кризис парадигмы постмодернизма. Характерные для постмодернизма художественные приемы ярко проявляются в этом произведении, но намечаются и новые тенденции. Постмодернистская эстетика выражается в деформации художественного пространства, неустойчивости представлений о границах добра и зла, восприятии реальности через призму искаженного сознания, болезненной иронии. Активное использование интертекстуальных включений, взаимодействие которых оказывается принципиально важным для формирования смыслового поля романа, также является характерной чертой постмодернизма. В то же время иронии сопутствует стремление к искренности и духовности, а моральный нигилизм сосуществует с душевными терзаниями и раскаянием.

Таким образом, роману «Тайная история» присуща не только постмодернистская раздробленность и текучесть, но и обращение к внутренней трагедии. Роман Д. Тартт включается в контекст литературы травмы, неприятия хаотичной и безликой современности, экзистенциального страха смерти и одиночества. В произведении актуализируется не постмодернистское ироничное и абстрагированное сознание, а ранимое и чувствительное метамодернистское.

Список литературы

- Ван ден Аккер Р. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффе́кт и Глубина после постмоде́рнизма / пер. с англ. В.М. Липки ; вступ. ст. А.В. Павлова. М. : РИПОЛ классик, 2020. 342 с.
- Витгенштейн Л. Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. 1989. № 4. С. 238–245.
- Лушиникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Контаминация тенденций постмоде́рнизма и пост-пост-моде́рнизма в творчестве Дж. Франзена // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 2. С. 200–211. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-17>
- Морозов А.В. Осторожно, метамоде́рн: современность как зонтик и маятник // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 3. С. 238–249. <https://doi.org/10.24411/2658-7734-2019-10032>
- Сербинская В. На пути к литературе метамоде́рнизма // *Metamodern* : 2017. 25 марта. URL: <https://metamodernizm.ru/literature-metamodernism/> (дата обращения: 10.01.2025).
- Хан Бён-Чхоль. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. А. Салин. М. : АСТ, 2023. 161 с.
- Чотчаева М.Ю., Сосновский В.Т. Постмоде́рнизм в культуре и литературе современности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 2(197). С. 177–182.
- Hargreaves T. Donna Tartt's *The Secret History*: A Reader's Guide. London : Continuum, 2001.
- Hebdige D. *Hiding in the Light. On Images and Things*. New York : Routledge, 2003. 270 p.
- Jameson F. *Postmodernism and Consumer Society* / Ed. H. Foster // *The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern*. Washington : Bay Press, 1987. P. 111–125.
- Litzler St.A. Interpretations of Fear and Anxiety in Gothic-Postmodern Fiction: an Analysis of the *Secret History* by Donna Tartt // *ETD Archive*. 2013. Vol. 842. URL: <https://engagedscholarship.csuohio.edu/etdarchive/842> (accessed: 15.04.2025).
- Mäkelä H. Tartt, Donna // *The Encyclopedia of Contemporary American Fiction 1980–2020* / Eds. P. O'Donnell, S.J. Burn, L. Larkin. Chichester : Wiley-Blackwell, 2022. P. 1504–1510. <https://doi.org/10.1002/9781119431732.ecafo133>
- Rectenwald M. Why Postmodernism Is Incompatible with a Politics of Liberty // *MisesInstitute* 2021. April 5. URL: <https://mises.org/mises-wire/why-postmodernism-incompatible-politics-liberty> (accessed: 03.01.2025).
- Savvas Th., Coffman Ch.K. American fiction after postmodernism // *Textual Practice*. 2019. Vol. 33. № 2. P. 195–212. <https://doi.org/10.1080/0950236X.2018.1505322>
- Tartt D. *The Secret History*. New York : Vintage Books, 2004. 560 p.
- Thorp C. *The Secret History*: A murder mystery that thrills 30 years on // BBC. 2022. October 21. URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20221020-the-secret-history-a-murder-mystery-that-thrills-30-years-o> (accessed: 10.01.2024).

Сведения об авторах:

Табакова Полина Алексеевна, студент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. ORCID: 0009-0005-5159-398X. E-mail: patabakova@edu.hse.ru

Перевезенцева Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. ORCID: 0000-0001-5351-2008; SPIN-код: 1277-6277. E-mail: aperevezentseva@hse.ru